

УДК 398.8; 398.2; 811.511.111; 811.511.112; 894.541
ББК 82.3 (2Рос-Рус; 3Фин); 81.86

КОНЦЕПТ ДЫМА В КАЛЕВАЛЬСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

ЭЛИНА ГАНСОВНА РАХИМОВА

(Институт мировой литературы (ИМЛИ) РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а)

***Аннотация.** Калевальский образ костра (могущий противопоставляться лесному и военному пожару) укоренён в духовной культуре карел и финнов на прилегающих к границе с России территориях благодаря традиционной хозяйственной деятельности (подсечно-огневому земледелию, разжиганию костров во время рыбной ловли в тёмное время суток, печному отоплению). Сигнальной ипостасью огня выступает дым — *savi*. Дым нередко характеризуется постоянным эпитетом — *sakea* («густой»). Огонь и дым фигурируют в типовых сценах как баллад, так и свадебной и необрядовой поэзии калевальской метрики, в т. ч. строящихся за счёт двух- и трёхступенчатой антитезы. Дым служит изобразительным референтом слитного (эссивного) уподобления стремительного порыва персонажа в балладах и героико-мифологических рунах и даже фантастических существ в заклинательной поэзии. Для сопряжённой с дымом образности разбираются семантические параллели в северно-русских текстах старинного склада. Делается вывод о сходном месте концепта дыма в языковых картинах мира территориально соседних разноэтнических традиций.*

***Ключевые слова:** руны калевальской метрики, поэтический язык, концепт, формула, сравнительное уподобление.*

Карело-финские песни старинного склада, называемые вслед за финским термином *kalevalamittaiset runot* — «калевальскими (калевальской метрики) рунами», устно бытовали у ряда этносов, близкородственных финскому, так называемых «прибалтийско-финских» народностей: у финнов и карел по обе стороны границы (с Великим княжеством Финляндским в составе Российской империи или независимой Финляндии на момент записи), а в Ленинградской области — не только у финских переселенцев, но

также у ижоры и води. Песенные жанры, начиная с эпоса, а также заговорно-заклинательную поэзию объединяет единый метрический код: четырёхударная аллитерационная нерифмованная калевальская метрика. Примеры почерпнуты из обширного фондового свода в 14 территориальных разделах, изданного финскими фольклористами до середины XX века, *Suomen kansan vanhat runot* (сокращённо SKVR), что буквально переводится как «Старинные руны финского народа»¹.

¹ Примеры приводятся в формате: помета SKVR с указанием территориального раздела и номера, через косую черту — сигнум (единица хранения) по коллекции собирателя

Зачин излюбленной рунопевцами конца XIX века руны о поездке незваного гостя-удальца на Пяйвёльский пир про дым над островом представлен в сотнях изустных записей, т. е. крайне частотен в своей устойчивой вербализации. Он воспринимается как драгоценный камень², отшлифованный многовековым устным бытованием, и обладает стройной и сложной «кристаллической» структурой. Оба двустишия скреплены синтаксическим параллелизмом, 1-е — полным. Антонимичные качественные характеристики во 2-м двустишии соотнесены с эталонным признаком через специфичную для прибалтийско-финских языков падежную форму транслатива (с семантикой

динамического превращения и окончанием *-kse*) и сослагательное наклонение глагола-связки *o(l)is* в 1-й строке 2-го двустишия. 1-я строка отмечена мощной аллитерацией. В рамках четырёхударной калевальской метрики первая строка является перебойной (с двумя трёхсложными словами $B\ 1 = 2 + 3 + 3$ по типологии стихов [Sadeniemi 1951]), а параллельная 2-я — бесперебойной, напоминающей четырёхстопный хорей (с двумя двухсложными словами в первом полустииши до цезуры тип $A\ 2 = 2 + 2 + 4$). Приведём пример по записи А. Борениуса 12.08.1872 в Кимасозере (ныне в Муезерском районе республики Карелия РФ) от Насто, жены Хуотари Архипейн(-ена):

Savu suarella palauve,
Tuli niemen tutkamissa,

Дым на острове пылает,
Огонь на оконечьи мыса,

Pieñi ois sovan savuksi,
Suuri paimoizem paloksi.

Мал был бы быть военным дымом,
Велик пастушьим быть гореньем.

[SKVR I (2) 716 / SKS Borenius II n. 146]

Территориальная устойчивость характеризует в особенности первую строку первого двустишия и последующую антитезу признака величины во втором. В записи 1884 г. от 50-летней Хоури Хярки из Руокоярви

волости Импилахти (ныне в Питкярантском р-не республики Карелия), перенявшей руну у «долговязого Ййвана из Лютсу», представлена стереотипная в Приладожье вербализация первого двустишия:

Savu soarella palaa,
Niemen kylgiset kytöö

Дым на острове пылает,
Рёбра мыса истлевают.

[SKVR VII (1) 765 / SKS Krohn n. 5144]

Зачин про дым весьма уместен в «Пяйвёльском пире», поскольку скрепляет сюжетную контаминацию с развёрнутым эпизодом пивоварения хозяйкой пира с участием помощников — пушных зверьков, завершающуюся тем, что протагонист остаётся неприглашённым за свою «сварливость» и убийство сотен мужей в единоборстве на мечех (что и произойдёт в руне).

их как словесно воплощённые воображаемые «видеокадры», сменяющиеся при мысленной визуализации в сознаниях рунопевца, слушателей в аутентичном исполнении — при плетении сетей или на праздничном застолье — или собирателя, по просьбе которого происходит исполнение (а также при чтении печатной публикации изустной записи, в т. ч. колоссального фондового свода SKVR в 14 разделах и 34 книгах). Изобразительный референт уподобления, тот образ,

Выпуклость и красочность вербальных описаний позволяет воспринимать

в Фольклорном архиве Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto). Перевод на русский автора статьи.

² Фотохудожник и собиратель карело-финских песенных калевальских рун И. К. Инха, совершивший в 1894 г. совместно с языковедом К. Карьялайном экспедицию по северо-западной Беломорской Карелии («по следам Элиаса Лённрота» (автора-составителя прославленной эпопеи), в путевых заметках «В песенном краю Калевалы» называет зачин руны о Лемминкяйнене про дым «сигнальными строками» (tunnussäkeet...) и «благородными строками» (jalosäkeitä), сохранившимися, как осколки древнего сокровища [Inha 1911, 329].

с которым при мысленной визуализации соотносится изображаемый (в калевальских рунах обычно в динамике) объект, можно обозначить и термином ОСС (образ сравнения сопоставления) по [Селиванов 1990].

Противопоставление сменяющихся мысленных кадров приобретает некоторую тройственность и, тем самым, соотносимо с ментальной моделью трёхчастной (вопросительно-отрицательной) антитезы. Хотя отрицательной формы глагола-связки обычно не используется, дым оказывается возникшим НЕ от военного пожара («мал»), не от пастушьего костра («велик»), а от огня в очаге для пивоварения. Иногда масштаб последнего характеризуется гиперболой: «месяц камни накалял, чащу деревьев сжигают». В чём-то это напоминает славянскую антитезу в интерпретации братьев Соколовых, что особо заметно при приведении неславянских параллелей [Гацак 1973, 290].

Славянская антитеза ярко представлена в знаменитом варианте былины «Добрыня и змей» 1871 г. Трофима Григорьевича Рябина, уроженца Сенногубской волости Повенецкого уезда. Но в сцене первого нападения трёхглавого, о 12 хоботах змеища-Горынища на протагониста в качестве ОСС уподобления фигурирует не дым, а грозовой дождь:

110 Да из далеча-далеча из чиста поля,
Из-под западней да с-под сторонушки,
Да й не дождь дождит,

да й то не гром гремит,

А й не гром гремит, да шум велик идёт:

Налетела над молодого Добрынюшку

114 А й змеинище да то Горынищо...

[Гильфердинг No. II — 79]

В других вариантах этой былины дым фигурирует в описании без явной вербализации антитезы (хотя и с сохранением трёхчастности), но со сравнительным союзом и по семантической композиционной модели повтора-предостережения, как можно сказать в развитие мысли финского эпосоведа [Naarvilahti 1985]. В записи от Петра Лукича Калинина из Пудожгорской волости, трижды почти подряд и почти дословно, в предостережении мудрой матери протагониста относительно опасности свирепой Пучай-реки

(в строках 10 — 13), при купании вопреки запрету в похвальбе Добрыни о вроде как не сбывшемся предостережении (в строках 28–31) и, наконец, в начале змеиногo нападения:

35 Не поспел тут же

Добрыня словця молвити,
Из-за первая же струйки как огонь сечёт,
Из-за другою же струйки искра сыплется,
Из-за третьей же струйки

дым столбом валит,

Дым столбом валит да сам со пламенем.

40 Выходит тут змея было проклятая,

О двенадцати змея было о хоботах.

[Гильфердинг No. I — 5(2)].

ОСС (изобразительным референтом) дым является в одной из типовых реализаций вопросительно-отрицательной антитезы, живописующей нечто, оказавшееся началом междоусобной войны в ижорской и эврейской балладе о вражде двух братьев и неуязвимом младенце, уцелевшем в резне. В семантической макроструктуре повествования эта пропозиция, конечно, служит не зачином, а, скорее, предкульминационной complication. По смыслу она строится в виде цепочки: «вопрос “что это такое?” (дым) или уточняющий вопрос “является ли наблюдаемое тем-то” (дымом) + » → «это не является тем-то (дымом) + » → «(а на самом деле) пришёл войной антагонист». Вербализуется это в диалоге второстепенного персонажа, обычно женского (жены или снохи), и отца будущего протагониста на одной из двух сторон междоусобицы, которая «подвергнется агрессии». В реплике прямой речи снохи или жены фигурирует вопрос с глаголом-связкой (или глаголом таксономической категории процесса), в ответе же отца семейства сначала следует глагол-связка в отрицательной форме, затем констатация уже без составного именного сказуемого (или без отрицательной формы процессуального глагола в нормально двусоставном предложении). В качестве именных членов составных именных сказуемых или подлежащих при наличии однокоренного с цветовым эпитетом процессуального глагола в устойчивом, скреплённом синтаксическим параллелизмом, двустипии фигурируют дым и туча, реже — ещё дождь.

Зачином руны о междоусобице может служить эпизод с пнём, расколовшимся надвое на пожоге у незадачливого слабо- сильного земплепашца, засеявшего 10 борозд. Из расколотого пополам пня и рождаются двое братьев, Калервикко и Унтамо (звучание имён вариативно). Впрочем, действие может начинаться и *in medias res*, как в варианте, записанном около 1881–83 гг. от Кати, жены Вантери из Куркела в волости Кузёмкино в западной Ингерманландии (ныне — Кингисеппском р-не Ленинградской области). Причина

приведшей к братоубийственной резне ссоры весьма мелкотравчатая, что напоминает древнеисландские саги: один брат посеял овёс возле ворот другого, посев потравила чёрная коза хозяина двора, собака сеятеля загрызла козу. В результате вторжения брат вырезает всю семью, оставив в живых одного неуязвимого младенца в колыбели. В момент наблюдения дыма сноха или супруга заняты мирным семейным досугом: ищут вшей в голове хозяина дома между двух окон, под матицей при входе.

15 Pisti päättä ikkunasta,
Suuta suuresta lovesta:
”Äijäseni, vanhempani,
Ihassu, älä pölässy!
Mikä tuuvalla tulloo?
20 Ei oo utu, ei umia,
Ei oo savvu, ei sakia,
Ei oo pilvi, ei pimiä;
Suuri on saajaksi sannoo,
Pieni on soaksi sannoo:
25 Unnon maan sota tulloo.”

Высунула голову из окна,
Ротик из огромной щели:
«Свёкрушко мой, мой родитель,
Восхитись-ка, не пугайся!
Что это там идёт такое?
То не является туманом лёгким,
То не будет дымом густым,
То не будет тучей тёмной.
Велико назвать поезжанами,
Мало сказать для войны:
С земель Унто идёт войною!»
[SKVR III (1) 701 / SKS Porkka II n. 104]

В близком варианте Мари Нюрхи из Вюотермаа волости Кузёмкино, записанном в 1897 г., также с составным именным сказуемым, упомянуты только густой

дым и туча, а отрицание в ответе свёкра синкопировано за счёт энергичной интенсивной констатации:

”Äijäseni, vanhempani!
10 Mikä tuo tulloo tumane?
Onko savvu vai sakia,
Onko pilvi vai pimiä?”
”Untoman sota tulloo!”

«Свёкрушко мой, мой родитель!
Что это идёт туманное (sic!)?
Является ли туманом да густым,
Будет ли это тучей тёмной?»
«Унтамо идёт войною!»
[SKVR III (2) 2415 / SKS Alava x76 b.]

В варианте Вапой из Пярспя волости Кузёмкино, открывающемся зачином про посев десяти борозд и расколовшийся надвое пень, фигурирует глагол состояния, однокоренной с цветковым эпитетом дыма. Здесь у двух окошек в волосах у Калервикко жена ищет вшей золотым

ножичком, и она же вопрошает про дым в общем вопросе с вопросительной частицей *-ko*. В ответе Калервикко представлены и варьирующий повтор с отрицательной формой глаголов, и подробное изложение чудовищных угроз, которые тотчас и осуществляются:

Katsahтели ikkunasta:
”Sintääk sinine savvu,
Vai tuultaa tuli punane,
35 Vai sattaa sato sakia?”
Nii katso itse Kalervo:
”Ei tuulla tuli punane,
Eikä sa'a sato sakia,
Eikä sinnä sinine savvu;

Поглядела из окошка:
«Синеет ли синий дым,
Или раздувает огонь алый,
Или льётся дождь густой?»
Так взглянул и сам Калерво:
«Не раздувает огонь алый,
И не льётся дождь густой,
И не синеет синий дым.

40 Tulloo Unnoman sota
Kalervoja leikkaamaa,
Tappaa suuret, tappaa pienet,
Tappaa kerran kesk[imäiset],
Tappaa vanhat ja vakaat,
45 Tappaa lapset kätkeyessä;
Siintävät sini sineelit,
Kumeettiit kultasuitset.”

Идёт Унтамо войною,
Всех Калерво вырезать,
Убьёт великих, убьёт малых,
Убьёт сразу ещё средних,
Убьёт старых и суровых,
Убьёт деток в колыбели,
Синеют синие шинели,
Жаром пышут золотые поводья».

[SKVR III (1) 703 / SKS Porkka II 106]

Дым, в т.ч. и в паре, опирающейся на синтаксический параллелизм с огнём, фигурирует во многих балладах вне фигуративной изобразительности. Так, огонь и дым сперва желает <наслать> в сани протагонисту героиня баллады о совращении <неузнанной> сестры

(”Sisaren turmelus”), возмущённая наглостью ухажёра. Это вербализовано в предложении со специфичным для прибалтийско-финских языков императивом 3-го лица в записи 1900 г. из Хаавикко (Кейкино) волости Кузёмкино в реплике девицы:

”Tulkoo siulle tuli punane,
Saakoo siulle sinine savu,
Siulle miehelle hyvälle!”

«Да приди к тебе огонь алый,
Да поступи тебе синий дым
Тебе, парню достойному».

[SKVR III (3) 2989 /
SKS J.Fr. Ruotsalainen n. 404.]

Слитное уподобление дыму (наравне с ОСС ветра и, реже, огня) стремительно порою Эго, протагониста или других персонажей основного конфликта фигурирует в разных балладах и подчёркивает стремительность. Оно выражается специфической для прибалтийско-финских языков падежной формой эссива (с семантикой результата превращения). Как и транслатив, который, впрочем, можно альтернативно перевести предложно-падежными конструкциями («для чего-л.», «в кого-л. / что-л.»), эссив точнее всего перевести творительным падежом, но также словосочетаниями «в виде», «в обличи чего-л. / кого-л.». По-русски предикат вроде «промчатся вихрем» воспринимается как затёртая языковая метафора, в т.ч. из-за жёстко закреплённого ОСС. В рунах калевальской метрики ОСС вариативны, кроме дыма *savi*, могут фигурировать (с учётом просодических законов четырёхударной и чаще восьмисложной строки) и другие двухсложные слова, относящиеся к семантическому полю погодных (а также рукотворных — для огня) стихий: туман *uti*, ветер *tuuli*, огонь *tuli*. Нередко это подкрепляется аллитерацией у глагола движения (*tulla*, *saarua*) и / или обозначения локуса (изба *tupa*, сруб *salvas*, зала *sali*).

В ижорско-эврейских балладах стремительно, «дымом» врываются в помещение чаще всего мужские персонажи, особенно потерпевшие неудачу в сватовстве. Так врывается в родительский дом балованный матерью и сёстрами парень, получивший отказ суженой из-за избытка будущих золовок в балладе «Утопительница дочерей», например, у Вёглы из Шуя Сойкинской волости (ныне Ломоносовского р-на Ленинградской области) в строке 20, присоединённой к глаголу движения неполным синтаксическим параллелизмом: *Sauvuna salen sissee* — «Дымом вовнутрь залы» [SKVR III (2) 1945 / SKS Alava VI — 902]. Так врывается и будущий женоубийца Игнатта Коёнен в родительский дом суженой в варианте руны о Хекко Наастой из Таммиконту Сойкинской волости 1881–83 гг. в строке 50 [SKVR III(2) 1261 / SKS Porkka III 125].

Пронзительную эмоциональную насыщенность приобретает калевальская этнопоэтическая константа уподобления стремительного порыва дыму применительно к Эго в балладе «Ягоды для мамы» в варианте Тарьи из д. Логи ныне Кингисеппского р-на Ленинградской области. Сцена постройки лодки братом и его расспросов предваряет появление покойной матери перед глазами Эго, вернувшейся

от напрасно посещённых колдунов. Поза и облачение покойной описаны строками, в своей вещественной обрядовой стереотипности встречающимися и в причитаниях. Стремительность порыва Эго передаётся пропуском глагола движения. Вся баллада, широко распространённая по всей Ингрии и на Карельском перешейке и бытовавшая как среди финнов-лютеран,

20 Velloi vaite vastaeli:
 ”En vessä sotiv[ennooja],
 Sotilaivoja r[akenna],
 Sotiairoja as[eta],
 Vessän kuolleen kotia,
 25 Maaha männeen maijaa,
 Katoneen kartanoa”.
 Miä tuimana tupraa,
 Savvuna salen sissää
 Emoi on laaittu laavitsalle,
 30 Ojennettu olkuisille,
 Pantu on alle palttinaisen.

Такой недостижимый, но чаемый уют посмертного жилища может выражаться через антитезу в сопряжении с концептом дыма и в русских плачах Северо-Запада. Приобщение к нему может лукаво наобещать для поминального посещения зооморфный вестник, который в плаче А. М. Пашковой по дочери охарактеризован чудесными эпитетами: «птичка вещая», «птичка вещь подземельная». Мотивема птицы из загробного мира устойчиво сопрягается с предполагаемой позитивной реализацией ряда константных признаков «хоромного строеньица». В данном плаче вопросительно-отрицательная антитеза синкопирована: представшая перед Эго наяву могила не показана, да и приснившаяся вещая птица могилу не описывала, она лишь напоминала о годовом владычном празднике. Всё мерещится самой Эго:

Подхожу, бедна горящица,
 Ко кладбищу человеческу,
 (70) Там свиваются дымочки,
 Там сверкают огонёчки.
 Я умом-то и подумала:
 Как у дочери бажёной
 У ней топится кирпичная,
 (75) Кирпична тепла печушка.
 Видно, ждёт гостей бажёных
 Касата моя ласточка [РПК № 7].

саволакцев и эвремейцев, так и среди ижор и води, строится на сочетании утончённых противопоставлений беспощадной реальности и красивых, эстетически совершенных, предметно-наглядных картин идеального счастья (отборных ягод, собранных для угощения любимой матери, мастерства кораблестроителя-брата и чаемого уюта посмертного жилища).

Братец мудро отвечает:
 «Не вытёсываю ладьи боевой,
 Боевых кораблей не строю,
 Боевых вёсел не устраиваю.
 Дом вытёсываю для умершей,
 Для идущей в землю — хижину,
 Для исчезнувшей — усадьбу».
 Я, разъярённую, да в избу,
 Дымом вовнутрь залы:
 Мать устроена на лавку,
 Распрявлена на солому,
 Положена она под полотно.
 [SKVR III (2) 1520 / SKS Porkka III–301]

Дым сопрягается с показом стремительного движения и в словесной ткани северно-русского эпоса. «Кадр» с ОСС дыма показан как бы нефигуративно, без каких-либо сравнительных конструкций, его изнутри фиктивного мира былины якобы видят второстепенные персонажи, которые внезапно оказались свидетелями отъезда богатыря верхом, например, в печорском варианте «Добрыни Никитича и Змея»:

Вот средилса-сподобилса
 да доброй молодец,
 А не видели его поездки да молодецкой,
 75 А увидели: в поли курива стоит,
 Курива ле стоит да дым столбом валит.
 Он ведь здраво прогонил
 да полё чистое...
 [ИРЛИ_Былины в 25 т.]

Калевальский образ дыма от костра, который может противопоставляться лесному и военному пожару, получает подкрепление визуализации в коллективном сознании исполнителей и реципиентов: карел, ижор и финнов на прилегающих к границе с Россией и входящих в РФ территориях, вплоть до Ленинградской области — Ингерманландии, благодаря жизненному опыту и традиционной хозяйственной деятельности

(подсечно-огневому земледелию, разжиганию костров во время рыбной ловли в тёмное время суток, печному отоплению). Такой же традиционный быт был характерен и для русского Северо-Запада, в особенности Олонецкой губернии (к которой относились и Повенецкий уезд, и Кимасозеро), и Архангельской губернии (к которой относится Беломорская Карелия Вiena и Печора). Поэтому выявленные параллели представляются

глубоко укоренёнными в традиционной ментальности. Неполнота схождений, запечатлённых на сопредельных территориях этнопоэтических констант, и по ОСС, и по моделям вербализации только подтверждает глубину традиционности. Ведь всё это не может быть объяснено прямым заимствованием, вполне возможным при разной глубины двуязычии многих носителей обеих этнических традиций.

Источники и материалы

Гацак 1973 — *Гацак В. М.* Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении / История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов (Варшава, авг. 1973); Доклады советской делегации. М.: «Наука», 1973. Отдельный оттиск. С. 286–306.

Гильфердинг 1949–1951 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Отв. ред. А. М. Астахова. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1951. Т. 1–3.

ИРЛИ_Былины в 25 т., т. 1 — Свод русского фольклора. В 25 томах. Т. 1. Былины Печоры. Ред. А. А. Горелов. С-Пб.: «Наука», 2001.

РПК — Русские плачи Карелии. Ред. М. К. Азадовский. Петрозаводск: Госиздат К-ФАСССР, 1940.

Селиванов 1990 — *Селиванов Ф. М.* Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М.: «Наука», 1990.

Harvilahti 1985 — *Harvilahti, Lauri.* Bylinat: venäläistä kertomarunoutta. Helsinki: SKS, 1985.

Sadeniemi 1951 — *Sadeniemi, Matti.* Die Metrik des Kalevala-Verses. Helsinki. FFC 139. 1951.

SKVR I (2) — Suomen Kansan vanhat runot 1. Vienan läänin runot. 2. Kalevala-aineisia kertovaisia runoja: Toisinnot 701–1027. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 1028–1272. / SKST 121.2. Julk. A. R. Niemi. Helsinki, 1917.

SKVR III (1) — Suomen kansan vanhat runot: 3, Länsi-Inkerin runot 1: toisinnot 1–1250. / SKST 139.1. Julk. V. Salminen. Helsinki, 1915.

SKVR III (2) — Suomen kansan vanhat runot: 3, Länsi-Inkerin runot 2: toisinnot 1251–2580. / SKST 139.2. Julk. V. Salminen. Helsinki, 1916.

SKVR III (3) — Suomen kansan vanhat runot: 3, Länsi-Inkerin runot 2: toisinnot 2581–4634. / SKST 139.3. Julk. V. Salminen. Helsinki, 1924.

SKVR VII (1) — Suomen kansan vanhat runot: 7, Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot / SKST 143.1. Julk. A. R. Niemi, Helsinki, 1929.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рахимова Э. Г. <http://orcid.org/0000-0001-8506-0886>

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел. +7 (495) 691-23-01; e-mail: elina.rahimowa@yandex.ru

SMOKE CONCEPT IN THE KALEVALAIC POETIC LANGUAGE: PARALLELS IN RUSSIAN SONG FOLKLORE OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA

ELINA G. RAHIMOVA

(Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25 A, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *An oral Kalevalaic image of a bonfire (which can be opposed to wildfire in the boreal forest and to military blazes) is deeply rooted in the intangible culture of Karelians and Finns on the territories adjacent to the border with Russia due to traditional economic activities (slash-and-burn agriculture, kindling fires during fishing in the darkness, stove heating). In the poetic word of Kalevalaic songs of different genres and their verbal manifestation, signal dimension of the fire is represented by the smoke (in Finnish and in closely related Karelian language dialects and Izhorian it is named 'savu' with possible phonematic variation in declension). Smoke is often characterized by a constant epithet "thick" ('sakea' with phonematic variation in Baltic-Fennic languages). Fire and smoke appear in crystallized typical scenes in different genres of oral poetry in Kalevala meter, i.e. in both ballads with plots, in wedding ceremony songs, and in non-ritual poetry. Verbalization is constructed through a two-and three-stage antithesis often. Smoke also serves as a visual referent for a "merged" simile, depicting a rapid movement of an epic character of ballads and heroic-mythic runes, and even fantastic creatures in the spells and incantations. For oral poetry in the Kalevala meter "merged" similes are verbalized through a special Essive case.*

Semantic parallels from the North-Russian oral texts of the elderly style are analyzed for the imagery associated with smoke. The conclusion is made about similar position of the concept of smoke in the linguistic world-views of diverse ethnic population, residing in neighboring territories.

Key words: *Rune-poems of Kalevala metrics, poetic language, concept, formula, simile.*

References

Gatsak V. M. (1973) Metaforicheskaya antiteza v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii [Metaphoric antithesis in the comparative-historical light]. In: *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov* [History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples]. The 7th International Slavist congress (Warsaw, august 1873) Moscow. Pp. 286–306. In Russian.

Selivanov F. M. (1990) *Khudozhestvennye sravneniya russkogo pesennogo eposa: Siste-*

macheskiy ukazatel' [Artistic simile of the Russian song epics: Systematic index]. Moscow. In Russian.

Harvilahti Lauri (1985) *Bylinat : venäläistä kertomarunoutta* [Bylinas: Russian Epics]. Helsinki. In Finnish.

Sadeniemi Matti (1951) *Die Metrik des Kalevala-Verses* [Metric system of Kalevala verse]. Helsinki. In German.

ABOUT THE AUTHOR

Rahimova E. G. <http://orcid.org/0000-0001-8506-0886>

E-mail: elina.rahimowa@yandex.ru

PhD (Philology), Senior Researcher in Folklore department

Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Tel. +7 (495) 691-23-01
